

Цзи Фань последние два дня был в необычайном возбуждении, ему не терпелось следить за помещьем князя чуть ли не каждую минуту. Когда выдавалась свободная минута, он принимался составлять план расширения чайной Юфан. И правда, стоит мастеру открыть рот, как сразу видно, чего он стоит!

— Ты эти два дня совсем не отдыхал, а по ночам стало холоднее. Я выпишу тебе несколько отваров, пропьешь их, отдохнешь пару дней, и все пройдет! Молодой человек, нельзя же так растрачивать свое здоровье! Береги себя! — старый лекарь вывел рецепт.

— Ли Дун, проводи господина лекаря, дай двойную плату за визит и заодно купи лекарства! — у Цзи Фаня явно было отличное настроение, все вокруг казалось ему приятным.

Цзи Фань подумал, что старик прав: ему предстоит взять под управление чайную Юфан, дел будет невпроворот, так что о здоровье действительно стоит позаботиться. Выпив лекарство, он рано лег спать.

Однако он не ожидал, что болезнь не пойдет на спад. Напротив, на следующий день к чиханию добавились кашель и насморк. Лекарь приходил несколько раз, менял рецепты и давал гарантии, но прошел еще день — симптомы не утихли, хотя и не стали заметно хуже.

Цзи Фань, разумеется, дорожил своим здоровьем и начал приглашать других врачей. Но все они в один голос твердили, что это простуда, которая при плохом уходе может перерасти в тиф. На пятый день болезни состояние стало стремительно ухудшаться, и лекари единогласно заявили: это тиф!

Надо понимать, что в древности тиф — смертельная болезнь! Да и шансы выжить были крайне малы. Разве не использовал он этот тиф как предлог? Цзи Фань, не жалея денег, искал лучших врачей.

Гу Цзинвэнь и Дэн Ижоу проделали путь в тысячи ли до самой столицы. Они гнали лошадей и добрались всего за семь дней вместо обычных десяти — сразу видно, как сильно они переживали за своего драгоценного сына.

Чувствуя, что слабеет с каждым часом, Цзи Фань уже не мог просто сидеть сложа руки. Едва родители прибыли, он сообщил им, что Гу Хаоянь сейчас в столице и является почетным гостем князя Сянь. Если он попросит, то, возможно, удастся выписать императорского лекаря!

Дэн Ижоу пристально посмотрела на мужа. Гу Цзинвэнь, забыв об усталости с дороги, тут же ударил себя в грудь и пообещал, что заставит Гу Хаояня прислать лекаря для сына. Его совершенно не заботило, поставит ли такая просьба Гу Хаояня в неловкое положение.

— Господин Гу, у ворот какой-то старик, говорит, что должен видеть вас. Утверждает, что он ваш отец. Как поступим? — стражник был осторожен: поговаривали, что у молодого господина не самые лучшие отношения с семьей.

Стражники поместья князя Сянь уже давно считали этого молодого господина будущей княгиней. Они твердо усвоили правило: лучше разозлить самого князя, чем его фаворита. Если разозлишь князя, то в хорошем настроении тот еще может помочь, а если провинишься перед фаворитом, князь накажет куда суровее.

— Проводите его в гостиную, я скоро буду, — Цзи Фань отложил книгу путевых заметок и бросил взгляд на сидевшего неподалеку императорского лекаря Чэня, который с тем же спокойствием изучал медицинский трактат. Этот врач действительно жил в поместье, но не для того, чтобы лечить его, а чтобы поддерживать здоровье. Тело Гу Хаояня было подорвано давным-давно, и привести его в порядок за один день было невозможно, поэтому лекарь остался при доме.

— Господин Гу, может, стоит дожждаться князя? Скоро время окончания утреннего совета, он скоро вернется! — предложил стражник Ван Цзю, стоявший за спиной Цзи Фаня. Раз уж Янь Сяньфэй доверил его охрану именно ему, значит, это был человек, которому князь доверял безоговорочно. Он прекрасно знал, что для молодого господина люди из дома Гу — не родня, а заклятые враги.

— Не нужно. Я не женщина, чтобы мне требовалась защита князя двадцать четыре часа в сутки. Пойдем, навестим моего отца, которого я так давно не видел, — уголки губ Цзи Фаня слегка приподнялись, в глазах мелькнула улыбка, чистая, как у ребенка. Если бы его противники увидели это выражение, они бы бежали без оглядки.

Гу Цзинвэнь дал жене и сыну слово, поэтому хотел решить дело как можно быстрее. Но он не забывал, куда пришел. Поместье князя Сянь! Это место, куда в столице мало кто мог попасть. Их семья Гу, конечно, была богатой в Цзяннани, но в масштабах страны они даже не считались средним классом. К тому же, как купцы, они с детства впитали в себя истину: не тягаться с властью.

Все высокопоставленные чиновники обязаны были посещать утренние приемы, и князь Сянь, несмотря на свое прозвище, исключением не был. Поэтому Гу Цзинвэнь и выбрал такое раннее время для визита: так он мог встретиться с Гу Хаоянем, не столкнувшись с самим князем.

Сидя в зале, Гу Цзинвэнь не мог не восхититься: все здесь было изысканнейшим из изысканного. Гу Хаоянь нашел такого влиятельного покровителя, но вместо того, чтобы помогать семье, начал собственное дело — это же просто непростительное преступление! Пока он размышлял, лицо его стало таким же властным, как в особняке Гу, и от былой осторожности не осталось и следа.

— Отец, я и не знал, что вы в столице, иначе непременно встретил бы вас лично. Что привело вас сюда? — тон Гу Хаояня был таким же, как и раньше: в нем сквозило почтение, смешанное с осторожностью. Он выглядел как ребенок, жаждущий отцовского признания, и никто не заметил бы подвоха.

— Твое сердце никогда не принадлежало семье Гу, откуда тебе что знать? Хоть не забыл, что я

твой отец, и не велел выставить меня за ворота! — Гу Цзинвэнь говорил без обиняков.

Когда он стоял у ворот, на него смотрели с любопытством и опаской, но не с презрением. Соседи князя Сянь были знатными людьми, и такое внимание ему льстило. А когда он вошел внутрь, многие провожали его завистливыми взглядами, что немало потешило его тщеславие. Иначе кто знает, какие еще неприятные слова он мог бы наговорить.

— Отец, я... — Цзи Фань слегка опустил голову и сделал шаг вперед, будто собираясь оправдаться.

— Я пришел сюда не слушать твои оправдания. Знаешь ли ты, что Хаоцин заболел тифом? — Гу Цзинвэнь осторожно взял чашку — в поместье князя даже чайная утварь была из первоклассного фарфора.

— Хаоцин болен тифом? Но ведь еще пару дней назад он был здоров, — на лице Цзи Фаня отразилось искреннее изумление.

— Здоров? Ты, старший брат, хорош! Живешь так близко и даже не интересуешься судьбой родного брата! — Гу Цзинвэнь с грохотом поставил чашку на стол и ударил по нему кулаком, его усы, казалось, встопорщились от ярости. — Ступай и приведи императорского лекаря! Если с Хаоцином что-то случится, для нашей семьи ты больше не существуешь! Мое состояние я лучше раздам нищим, чем оставлю тебе!

— Ван Цзю, пригласи лекаря Чэня и пусть он идет с нами в ресторан семьи Гу! — Цзи Фань махнул рукой.

Ван Цзю бросил обеспокоенный взгляд на Гу Цзинвэня. Он велел дежурному стражнику позвать лекаря, а сам остался рядом с Гу Хаоянем.

Он не осмелился пойти сам: вдруг, пока он будет звать лекаря, этот старик набросится на молодого господина? Этот господин Гу явно не был человеком разумным — ради одного сына он готов был пожертвовать другим. А угроза отдать состояние нищим, лишь бы не сыну, звучала совсем уж жестоко. Когда молодой господин жил в доме Гу, он всегда относился к отцу с глубоким уважением, но тот никогда не отвечал ему взаимностью.

— Господин Гу, вы плохо себя чувствуете? Позвольте мне проверить ваш пульс! — лекаря Чэня привели в спешке, и первой его мыслью было, что что-то случилось с самим молодым господином. Сейчас этот человек был дорог не только князю Сянь, но и самому императору, да и принцесса Аньян, находясь под домашним арестом, то и дело спрашивалась о нем.

— Не мне. На этот раз нужно осмотреть другого больного, — Цзи Фань относился к лекарю с уважением.

— Я сделаю все, что в моих силах! — лекарь Чэнь, поддавшись общему настроению стражников и слуг поместья, тоже считал Гу Хаояня будущей княгиней.

Увидев, что пожилой лекарь называет себя нижайшим слугой, Гу Цзинвэнь перестал сомневаться в его статусе.

— Раз все здесь, пошли скорее! Болезнь Хаоцина не терпит отлагательств!

Цзи Фань кивнул и, не споря, последовал за ним. У ворот их уже ждала роскошная карета. Цзи Фань жестом пригласил Гу Цзинвэня войти, тот с достоинством занял место, а затем в карету сели Цзи Фань и лекарь Чэнь.

От поместья до ресторана было недалеко, обычно Цзи Фань ходил пешком, но ради Гу Цзинвэня согласился на карету. Впрочем, наслаждаться этим почтением старику оставалось недолго.

— Сыночек мой, ты у меня один, должен выкарабкаться, на кого же я потом буду надеяться! — Дэн Ижоу с материнской нежностью поила Гу Хаоцина водой. Она так радовалась, что сын наконец повзрослел, и если бы знала, что поездка в столицу обернется тифом, ни за что бы его не отпустила. Слуги в доме Гу ухаживали за ним так хорошо, что он даже головой никогда не болел!

— Матушка, не волнуйтесь. Отец поехал за императорским лекарем, со мной ничего не случится! — Хаоцин сделал глоток, горлу стало легче, и он смог заговорить.

— Госпожа! Второй молодой господин! Приехали, приехали! Старый господин вернулся с лекарем! — Ли Дун ворвался в комнату, сияя от радости, совсем не боясь заразиться.

— Хаоцин, отец привез тебе лекаря! Скоро ты поправишься! — Гу Цзинвэнь вошел с важным видом, таща за руку лекаря Чэня. — Господин лекарь, прошу, сделайте все возможное для моего сына. Какие нужны лекарства — только скажите!

Лекарю Чэню было не по себе от того, что он идет впереди Гу Хаояня, но, видя, что тот не сердится, он успокоился.

— Не беспокойтесь, господин Гу. Раз я дал слово молодому господину Хаояню, я сделаю все, что в моих силах.

Увидев вошедшего Гу Хаояня, Гу Хаоцин широко раскрыл глаза. Он долго указывал на него пальцем, не в силах вымолвить ни слова. Он не говорил отцу, что Гу Хаоян тоже болен — внешне его недуг выглядел точно так же, как простуда.

Гу Цзинвэнь не удивился, увидев Хаояня на ногах, а вот Хаоцин смотрел на него как на

привидение. Разве он не должен был лежать при смерти? Почему он выглядит даже здоровее, чем прежде?

— Ты... ты... почему ты здесь?! — в голове Хаоцина зародилось подозрение, в котором он боялся признаться. Он помнил, как несколько раз переспрашивал торговца, продавшего ему яд, точно ли тот не поддается лечению даже императорскими врачами. Торговец уверял, что это дворцовый секрет, предназначенный для того, чтобы убирать неугодных без следа.

Смертельный яд, антидота нет, вылечить нельзя... эти слова, которые раньше радовали его, теперь звучали как вопли демонов.

— Хаоцин, судя по всему, ты слишком болен. Почему я не могу быть здесь? — Цзи Фань, не дожидаясь приглашения, сел на стул. Маска благородного господина медленно сползла с его лица. Он лениво откинулся на спинку, постукивая пальцами по столу. — Смотри внимательно. Я не только здесь, я здоров и никакой простудой не заразился. А вот ты... ц-ц-ц.

— Как это возможно? Как?! — Гу Хаоцин считал, что все под его контролем, и об этом яде не знал никто. Как он мог ошибиться? Не мог же он сам себя отравить!

Ему хотелось вытащить повара, готовившего пирожные, и допросить его, но он знал, что это бесполезно. Он сам лично подсыпал яд в воду для теста.

— Почему невозможно? Я сижу перед тобой — разве это не лучшее доказательство? Гу Хаоцин, ты пожинаешь плоды своих же деяний! — Цзи Фань слегка наклонил голову, на губах играла ироничная улыбка. Ему нравилось наслаждаться вкусом победы.

— Это ты? Это ты сделал, да? — лицо Гу Хаоцина, и без того бледное, стало мертвенно-серым.
— Если бы не ты, я не мог заболеть!

— Гу Хаоян, что ты сделал с Хаоцином?! — Дэн Ижоу вспыхнула от ярости. Ее сын всегда был крепок, в доме Гу никогда ничем не болел, а тут вдруг — смертельный тиф.

— Что я с ним сделал? Это вы должны спросить у своего сына, что он сделал со мной! — усмешка Цзи Фаня стала еще язвительнее. Он посмотрел на Хаоцина, лежащего в постели. По сравнению с тем лощеным молодым господином, каким он был пару дней назад, сейчас он выглядел истощенным и слабым.

— Что Хаоцин мог тебе сделать? Он всегда относился к тебе, старшему брату, с глубоким почтением! — Гу Цзинвэнь встал на защиту младшего сына.

— С почтением? Ну да, с таким почтением, что решил меня отравить! — Цзи Фань хмыкнул и поднял взгляд на растерянного лекаря Чэня. — Господин лекарь, вы слышали о Холодном яде?

— Холодный яд? Вы имеете в виду тот смертельный яд? — сердце лекаря дрогнуло. Лишь немногие во дворце могли распознать этот секретный яд, но наслышаны о нем были многие. В дворцовых интригах, в борьбе наложниц, принцев и принцесс он оставлял немало жертв. И далеко не все из них умирали естественной смертью. Лекари знали больше всех, но умели молчать.

— Говорят, это дворцовый секретный яд.

— Тогда все сходится. Я лишь слышал о нем, но никогда не видел. Говорят, первые два дня жертва ничем не отличается от здорового человека, затем появляются симптомы простуды, а потом болезнь перерастает в тиф. Внешне это не отличить от обычной болезни, но лекарства от тифа здесь бессильны!

Лекарь Чэнь подошел к постели. Несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, он двигался быстро. Схватив запястье Хаоцина, он стал слушать пульс. Брови его нахмурились. Вспомнив случай из своей практики много лет назад, он понял: это именно Холодный яд.

— Молодой господин Хаоян, антидота к этому яду нет, как и случаев выздоровления. С момента контакта проходит от десяти до двадцати дней, и человек умирает, — лекарь произнес это без тени сомнения. Больной, пытавшийся отравить другого, не вызывал у него жалости.

— Вы слышали. Антидота нет. Гу Хаоцин хотел скормить этот яд мне — это вы называете почтением? — Цзи Фань выпрямился, чтобы лучше видеть лица присутствующих.

— Но ты же сидишь здесь, живой и здоровый! А Хаоцин болен тифом... Тифом?! — Дэн Ижоу посмотрела на сына, ее лицо побелело. Она наконец поняла, почему ее рассудительный сын вдруг впал в истерику, и почему Хаоян сказал, что тот пожинает плоды своих деяний. Хаоцин болен не тифом, а этим проклятым Холодным ядом!

— Именно так! Князь Сянь приказал подменить яд в руках Гу Хаоцина на муку, так что я в порядке. А око за око — я вернул ему подарок, используя настоящий яд, — Цзи Фань выложил перед ними правду, от которой они были готовы рухнуть.

Услышав подтверждение, Гу Хаоцин потерял всякий блеск в глазах. Его сердце превратилось в пепел. Слабость тела постоянно напоминала ему о смертном приговоре. Как нелепо: еще пару дней назад он мечтал прибрать к рукам чайную Хаояна, не зная, что тот давно раскусил его игру. Он думал, что расставил ловушку, но попал в ту, что приготовили для него.

— Гу Хаоян, как ты жесток! Он же твой родной брат! Почему ты не сдох? Почему это не ты лежишь здесь?! — Гу Цзинвэнь дрожал от гнева, не скрывая ненависти. Знай он, чем все кончится, задушил бы его еще в колыбели.

Это и есть отец Гу Хаояня? Цзи Фань вдруг подумал, что его собственный отец, которому было на него плевать, — просто образец добродетели по сравнению с этим!

— Хм? А когда Гу Хаоцин подсыпал яд, он думал о том, что я его брат? И законный старший сын дома Гу? Господин Гу, когда вы желали мне смерти, вы хоть на мгновение считали меня своим сыном?

— Хм! — Гу Цзинвэнь лишь фыркнул в ответ.

Наконец остыв, он осознал, что сказал. Он никогда не любил Хаояня, а после рождения Хаоцина начал бояться, что тот встанет у него на пути. Он никогда не считал его своим сыном. А узнав, что его любимец может умереть, не сдержал эмоций.

Но он не жалел. Даже если не станет Хаоцина, есть Хаоюань. Хоть он еще мал, но вырастет таким же способным, как брат. Хаоюань был общим ребенком Гу Цзинвэня и Дэн Ижоу, и хотя ему не было десяти, его уже все баловали.

— Вы никогда не считали меня сыном, скорее — позором, — Цзи Фань ответил за него, поднялся и подошел к Гу Цзинвэню.

<http://bllate.org/book/21685/2236752>